

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

Уинстон Черчилль

<Фрагмент>

Знаменосец «Холодной войны»

Весной 1945 г. Черчилль глубоко разошелся в своих планах с настроениями английского народа. В 1945 г. для всей Европы, не исключая и Англии, в настроениях народных масс был характерен сдвиг влево. Англичане хотели продолжения союза и сотрудничества с СССР и переустройства своей внутренней жизни на демократических основах. Черчилль этого не заметил, не понял, и результатом явился страшный для него удар.

К моменту капитуляции Германии английский парламент, избранный в 1935 г., уже доживал десятый год. В военных условиях парламент просуществовал два срока, но было ясно, что выборы состоятся еще до полного завершения второй мировой войны. Черчилль в октябре 1944 г. заявил, что они произойдут сразу же после победы над Германией.

Черчилль не слишком стремился ускорить выборы. Его устроило бы сохранение коалиции с лейбористами и либералами и на послевоенный период. 18 мая 1945 г. он предложил им продолжить сотрудничество до окончания войны с Японией, а в случае, если обе партии предпочтут уход из коалиции, провести немедленные выборы.

Правые лейбористские лидеры, участвовавшие в коалиционном правительстве Черчилля во время войны, не прочь были оставаться в одной упряжке с консерваторами и в послевоенный период. Они высказывались за коалицию, рассчитывая сохранить свои министерские портфели и не надеясь, что новые выборы в парламент дадут большинство лейбористам. Однако

ежегодная конференция лейбористской партии проголосовала против коалиции. Рядовые лейбористы жаждали перемен и понимали, что кабинет Черчилля не даст их. Они хотели поставить у власти самостоятельное лейбористское правительство, полагая, что оно проведет ряд важных реформ во внутренней жизни страны.

Немедленные выборы, которыми угрожал Черчилль в случае отказа лейбористов и либералов от коалиции, по мнению лейбористских лидеров, были невыгодны для них, ибо консерваторы имели в своем распоряжении значительный козырь — личный авторитет Черчилля как военного лидера. Лейбористская же партия не была достаточно хорошо подготовлена к выборам. Требовалось время, чтобы привести весь сложный партийный механизм в боевую готовность. Эттли предложил сохранить коалицию до октября. Черчилль понял замысел лейбористов и ответил отказом.

23 мая 1945 г. Черчилль подал в отставку, и существование национального правительства, действовавшего в 1940–1945 гг. под его руководством, прекратилось. Автоматически перестал функционировать и военный кабинет.

Черчилль образовал так называемое переходное правительство, которое должно было управлять страной до выборов в парламент, назначенных на 5 июля. И здесь он допустил крупную тактическую ошибку. Переходное правительство было сформировано исключительно из консерваторов самого реакционного толка, в прошлом активнейших поборников Мюнхена, людей, ответственных за пагубный политический курс Англии в период между двумя мировыми войнами. Состав нового правительства представлял собой как бы программу на послевоенный период. Рядовой англичанин сразу же понял, что Черчилль ни о каких реформах не помышляет, что под его властью Англию попытаются возвратить на позиции мрачных 20-х и 30-х годов. Таким образом, уже на этом этапе Черчилль серьезно подорвал свои позиции на будущих выборах. Английские избиратели насторожились и усомнились в том, что он является действительно тем человеком, которому можно доверить управление страной в условиях мира.

Главным политическим противником консерваторов на выборах была лейбористская партия¹. Отказ лейбористов от участия в коалиционном правительстве под руководством Черчилля

и их выступления на выборах против консерваторов привели в негодование Черчилля и других консервативных лидеров. Они утратили чувство реальности и повели избирательную борьбу таким образом, что она намного ослабила их собственные позиции на выборах. В конечном счете, однако, исход выборов решали не столько тактические просчеты консервативных лидеров, сколько создавшаяся после войны новая расстановка классовых сил в стране.

Победа Советского Союза в войне с Германией вызвала огромный рост симпатий к делу социализма. Англия не явилась в этом смысле исключением. В этой стране тяга к социализму всегда была очень мощной. Консерваторы же, атакуя лейбористскую партию в ходе избирательной кампании, обвиняли ее прежде всего в том, что она является социалистической партией. Такое обвинение могло дать лишь обратный результат по сравнению с тем, к которому они стремились.

Черчилль обрушился с нападками личного характера на лидеров лейбористской партии, которые только что были членами его военного кабинета, лояльно сотрудничали с ним на протяжении ряда лет и по существу в 1940 г. поставили его у власти, дав согласие на участие в коалиционном правительстве под его руководством.

Он заявил, что «лейбористская партия является опасным вызовом свободе и авторитету английского народа», что ее победа на выборах означала бы в конечном счете установление таких порядков, какие Гитлер ввел в Германии. Он утверждал, что лейбористское правительство, «руководя жизнью страны и ее промышленным аппаратом, не сможет допустить выражения свободного, остро и энергично сформулированного общественного недовольства его деятельностью...». В конце концов он договорился до абсурда: «Если лейбористы победят на выборах, в Англии будет гестапо».

Судя по всему, у Черчилля был замысел повторить ход, который консерваторы сделали во время избирательных кампаний 1924 и 1931 гг. Они тогда запугали многочисленную мелкобуржуазную часть английских избирателей призраком революции и толкнули ее в сторону консервативной партии. На этот раз Черчилль пытался утратить эту категорию избирателей тоталитаризмом. Консервативная пресса утверждала: «После того как гестапо вырвано из все еще бьющегося сердца

Германии, неужели вы будете выступать за то, чтобы под другим названием гестапо было введено у вас дома? Неужели вы не были поражены, узнав от Черчилля, что государственный контроль ведет к фашизму?».

Подобные выступления против лейбористов, против социализма были второй тактической ошибкой Черчилля в избирательной кампании 1945 г. Многие консерваторы это сразу же поняли. Вирджиния Коулс рассказывает, что она слушала выступление Черчилля по радио 5 июня в доме газетного короля лорда Ротермира². Она вспоминает, что, когда Черчилль кончил говорить, наступило тягостное молчание. Затем хозяин дома заявил: «Если он будет продолжать в том же духе, можно считать, что выборы проиграны». «Тайме» и некоторые другие газеты пытались смягчить высказывания Черчилля, но напрасно. Он слишком верил в свою популярность и государственную мудрость, чтобы его можно было убедить в ошибочности взятой линии.

Черчилль не уловил настроений, царивших в стране. Он всю свою жизнь был очень далек от народа, и избиратели это чувствовали. В апреле 1945 г. Клементина говорила лорду Морану, что «Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах... Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро».

Во время избирательной кампании Черчилль предпринял большое агитационное турне по Англии. Зачастую, когда его группа прибывала в тот или иной город, впереди двигался специальный автомобиль местной консервативной организации с громкоговорителем, из которого неслись слова: «К нам прибывает Уинни, следите за третьей машиной. Это величайший человек па земле, величайший государственный деятель мира». Улицы городов и поселков пестрели плакатами с фотографиями Черчилля и надписями: «Это человек, который выиграл войну» и «Это человек, который должен закончить дело».

Но победа в войне для английского избирателя была уже делом прошлого. Англичан интересовало будущее. Они хотели голосовать за человека, который выиграет мир, и не были уверены, что Черчилль является именно таким человеком.

Консервативные организаторы избирательной кампании быстро усвоили, что выступления против СССР неизбежно оттолкнут избирателей. Поэтому Черчилль и его коллеги по партии,

атакуя лейбористов как социалистов, в то же время настойчиво пытались убедить избирателей, что именно консерваторы обеспечили союз с СССР во второй мировой войне. Особенно подчеркивалось, что Черчилль якобы является лучшим другом Сталина.

Консерваторы вели избирательную кампанию, делая главный упор на критику своих политических противников. Они по существу не выдвинули никакой позитивной программы. Как заметил один из биографов Черчилля, они шли на выборы, располагая лишь фотографией своего лидера, и рассчитывали пробраться в новый парламент, используя его личный авторитет. Видный деятель консервативной партии Р. А. Батлер много лет спустя писал в своих мемуарах: «Было бы лучше, если бы утверждение послевоенной политики не занимало в нашей избирательной кампании скромного третьего места вслед за чрезмерной эксплуатацией авторитета Черчилля и негативной атакой на лейбористов... И, тем не менее, — неожиданно заключает он, — видимо, в любом случае мы были обречены на провал».

«Может показаться удивительным, — пишет по этому поводу Г. Пеллинг, — как много людей в Англии видели в чем-то сходство между лейбористской партией и советской формой социализма. Успехи Красной Армии на Восточном фронте доказывали, что вопреки утверждениям консерваторов есть формы социализма, которые оборачиваются благом для государства. Естественно было предположить, что вмешательство государства может явиться лучшим способом управления английской экономикой и решения основных проблем, стоявших перед страной».

Лейбористское же руководство провело избирательную кампанию 1945 г. весьма разумно. Оно выступило с программой важных реформ, которая отвечала настроениям избирателей. Лейбористы обещали национализацию ряда крупных отраслей английской экономики, коренную реорганизацию системы социального страхования, а также широкое развитие жилищного строительства. Они обещали приложить все силы к тому, чтобы боевой союз между Англией, СССР и США, возникший в ходе войны, был сохранен и в послевоенный период. Значительная разница в пользу лейбористов наблюдалась в стиле проведения избирательной кампании обеими партиями. Черчилль путешествовал по стране в специальном поезде, а на митинги прибывал в роскошном открытом автомобиле. Лидер лейбористов Эттли

разъезжал из города в город на старенькой машине вместе с женой. Человек спокойный, уравновешенный и без особых претензий, он держал себя в ходе избирательной кампании скромно. Его непритязательные выступления контрастировали с разнузданной и претенциозной манерой Черчилля и производили выгодное для лейбористов впечатление.

У Черчилля не было ни малейшего сомнения в том, каков будет вердикт избирателей. Многочисленные предсказатели результатов выборов расходились лишь в том, каково будет большинство, которое консерваторы получат в новом парламенте. Бивербрук уверял Черчилля, что это большинство составит минимум 100 мандатов. Не только Черчилль, но и Эттли был уверен, что консерваторы получат большинство в новой палате общин.

Голосование проходило 5 июля, но объявление результатов отложили до 26 июля, в связи с тем, что нужно было получить бюллетени из армии, многие соединения которой находились в отдаленных районах земного шара.

Потсдамская конференция глав правительств СССР, Англии и США начала свою работу до того, как стали известны итоги выборов в Англии. В работе конференции был сделан перерыв, чтобы Черчилль смог съездить в Англию, когда там будут объявлять итоги голосования. Уезжая из Потсдама, он заявил, что не сомневается в своем возвращении. Врач Черчилля Моран оставил в Берлине все вещи, надеясь через день вернуться туда со своим подопечным. Черчилль распорядился, чтобы в день объявления итогов выборов в его лондонском доме был организован небольшой семейный обед в честь победы консерваторов.

Случилось, однако, так, что ни консерваторы, ни лейбористы не смогли правильно уловить настроения английского народа весной 1945 г. Консерваторы потерпели на выборах сокрушительное поражение. Лейбористы получили 393 места в палате общин, а консерваторы вместе с примыкавшими к ним — лишь 213.

Это был тяжкий и совершенно неожиданный для Черчилля удар. В час его высшего торжества, когда он выступал в ореоле славы вождя английского народа, который он привел к победе, когда казалось, что авторитет его достиг апогея, избиратели отвергли Черчилля и его партию. Вирджиния Коулс, присутствовавшая на злосчастном обеде 26 июля, свидетельствует,

что Черчилль был совершенно убит случившимся. Он сидел недвижим, не в состоянии произнести хотя бы слово. Его дочери были в слезах.

Черчилль никогда не понял и никогда не простил английскому народу то, что произошло с ним на выборах 1945 г. Он был убежден, что английский народ совершил величайшее безрассудство, отстранив от власти его и партию консерваторов. Упреки по этому поводу в адрес английского народа рассыпаны в изобилии по шести томам военных мемуаров Черчилля, где приведены слова Плутарха: «Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов». Особенно остро Черчилль переживал то, что солдаты в основной своей массе проголосовали против консерваторов, тогда как он считал, что зарекомендовал себя в годы войны прежде всего как великий военный лидер.

С. Хаффнер был близок к истине, когда писал, что «Черчилль был нужен Англии, чтобы вести войну против Германии. Однако при всем восхищении и всей благодарности за то, что он сделал в войне против Германии, Англия не захотела его услуг для развязывания войны против Советского Союза».

Антони Иден следующим образом описывает последнее заседание правительства Черчилля на Даунинг-стрит, 10: «27 июля. В полдень Уинстон созвал прощальное заседание кабинета. Это было довольно мрачное зрелище. Когда все кончилось, и я направился к выходу, Уинстон подозвал меня, и мы провели полчаса одни. Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала еще сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока. Он не может не чувствовать, что с ним обошлись жестоко. «Тридцать лет моей жизни связаны с этой комнатой, — сказал он. — Я никогда больше не буду здесь сидеть. Вы будете, а я нет».

Вместо возвращения в Потсдам Черчиллю пришлось направиться во дворец и вручить королю отставку своего правительства. Король предложил ему орден Подвязки, но экс-премьер счел момент не подходящим для принятия наград. Формирование нового кабинета было поручено лидеру лейбористов Клементу Эттли. Лейбористское правительство было образовано в основном из крайне правых лидеров, прошедших выучку у консерваторов и служивших в коалиционном правительстве

Черчилля в годы войны. Утверждают, что Черчилль даже принял участие в формировании нового правительства.

Эттли предполагал сделать министром иностранных дел Хью Дальтона, а Эрнеста Бевина — министром финансов. «Вплоть до утра решающего дня, когда члены нового кабинета должны были быть представлены королю в Виндзорском дворце, — пишет Палм Датт, — намерения были именно таковы. Однако к вечеру план изменился. Министром иностранных дел стал Бевин. В печати появились сообщения, что днем Эттли уезжал завтракать с «неким лицом», имя которого не называлось. Впоследствии стало известно, что этим «неким лицом» был Черчилль. Правда эта история или нет, но, несомненно, Черчилль от души одобрил назначение Бевина министром иностранных дел. Он достаточно часто заявлял об этом».

В Потсдам пришлось ехать новому премьер-министру Эттли и новому министру иностранных дел Бевину. Эттли был в составе Делегации Черчилля и участвовал в первой части Потсдамской конференции. Черчилль взял с собой Эттли, с тем, чтобы руководство лейбористов было информировано о происходившем на конференции и, возможно, поддержало ее решения в дальнейшем при обсуждении их в парламенте.

Рассказывают, что, когда Эттли стал премьер-министром, он предложил Черчиллю вернуться с ним на Потсдамскую конференцию на тех же правах, на каких он сам вначале ездил в Берлин. Черчилль отказался, и его легко понять. Он не мог вернуться в качестве рядового члена делегации туда, где выступал облеченный полномочиями главного представителя Англии как один из трех руководителей коалиции, обеспечившей победу над Германией.

Предстояло решить вопрос, как быть и что делать дальше. Многим из близких Черчиллю людей казалось, что ему следует уйти от активной политической деятельности и оставшиеся годы жизни наслаждаться славой, которую он приобрел в период войны, не довольствуясь сравнительно скромной ролью лидера оппозиции в палате общин. К тому же парламент должен был решать уже не грандиозные проблемы ведения войны, а заниматься обыденными делами мирного времени, социальными и экономическими вопросами, к которым у Черчилля никогда не лежала душа. Еще в те первые послевоенные дни, когда Черчилль возглавлял переходное правительство, он говорил

Морану: «Я чувствую себя очень одиноким без войны». Многие друзья советовали Черчиллю оставить парламент и посвятить себя созданию истории второй мировой войны.

В этих советах был здравый смысл. Однако не исключено, что в какой-то степени они диктовались желанием избавиться от Черчилля как лидера консервативной партии, который допустил во время избирательной кампании 1945 г. ряд крупнейших ошибок, явившихся одной из причин поражения на выборах.

Не таков, однако, был Черчилль, чтобы прислушаться к этим советам, признать свое окончательное поражение и навсегда уйти от активной политической деятельности. Ведь откажись он от поста лидера оппозиции и лидера партии, ему уже больше не бывать премьер-министром. Поэтому Черчилль заявил, что намерен заниматься всеми вопросами, с которыми придется столкнуться в послевоенный период в парламенте, и продолжать руководить консервативной партией.

У лейбористов было устойчивое большинство в палате общин, и это означало, что правительство почти наверняка просуществует полные пять лет. Не исключено, что и следующие выборы могли закончиться победой лейбористов. Черчиллю к этому времени уже исполнился 71 год, но чувствовал он себя хорошо и был уверен, что вновь вернется на Даунинг-стрит, 10. «Не будет же лейбористское правительство существовать вечно, — говорил он. — Дай бог, чтобы оно не причинило слишком много вреда до тех пор, покуда мы не вернемся обратно. Мы должны вернуться. Мы вернемся, и это так же верно, как то, что завтра солнце взойдет снова».

Приняв такое решение, Черчилль поставил своей главной задачей в парламенте как можно сильнее дискредитировать лейбористское правительство и тем самым приблизить возвращение к власти консерваторов. Это была в общем трудная задача. Правительство Эттли активно действовало в области экономической политики и социальных проблем. В этой сфере лейбористские министры были сильнее Черчилля. Они имели лучшую теоретическую и практическую подготовку к тому, чтобы заниматься этими проблемами. Вообще лейбористское правительство состояло из довольно способных деятелей, к тому же прошедших школу государственного управления в правительстве самого Черчилля. В послевоенные годы

руководящая верхушка консервативной партии в общем была слабее той группы, которая возглавляла лейбористов.

Перед лейбористским правительством встали огромные проблемы, и как следовало с ними справляться, было далеко не ясно. Война причинила Англии меньший ущерб, чем ряду других государств, но все же серьезно ослабила ее экономические и политические позиции. Ухудшилось финансовое положение, расходы на войну составили более 25 млрд ф. ст., вследствие чего государственный долг вырос в 3 раза. Ущерб от бомбардировок, потери судов и грузов, необновленный основной капитал в промышленности, потери капиталовложений за границей составили примерно четвертую часть национального богатства страны. Выпуск промышленной продукции Англии упал, экспорт сократился.

Английские правящие круги приняли после войны ряд мер, направленных на обеспечение роста промышленного производства, с тем, чтобы не допустить дальнейшего отставания от ее конкурентов. Англия использовала вызванное войной ослабление некоторых своих конкурентов, а также систему имперских преференций и стерлинговый блок для увеличения экспорта. Однако и в этой области успехи оказались непрочными, временными. Были увеличены капиталовложения в промышленность. Одновременно последовала национализация и реконструкция за счет государства ряда важных отраслей промышленности (угольной, энергетической, газовой, внутреннего транспорта). В результате этих мер на принадлежащих государству предприятиях была занята четвертая часть рабочих и служащих Англии. Таким образом, капиталистические противоречия ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Рост промышленного производства в Англии происходил быстрее, чем в период после первой мировой войны, но медленнее, чем в ряде других стран.

Не выдерживает никакой критики утверждение лейбористов, будто путем национализации ряда отраслей промышленности они создали в Англии социалистический сектор хозяйства и тем самым превратили экономику страны из капиталистической в смешанную. Лейбористская национализация была по своему характеру капиталистической, ее результатом явилось усиление государственно-монополистического капитализма, создание

государственной собственности ради удовлетворения требований капитализма. Буржуазными по своему характеру были и проведенные лейбористами реформы в области социального страхования, народного образования и здравоохранения. Эксплуатация рабочего класса в Англии стала более интенсивной. Ему приходилось отстаивать свои права и жизненный уровень в упорной стачечной борьбе.

Начавшийся после второй мировой войны процесс ликвидации колониальной системы империализма привел к тому, что уже в период пребывания у власти правительства Эттли завоевали свободу и создали свои независимые государства многие народы английских колоний, в том числе Индии, Бирмы, Пакистана, Цейлона и ряда территорий Африки. Крушение Британской империи резко ослабило английский империализм.

Распад колониальной системы, огромные военные расходы, прежде всего по содержанию войск за границей, усиление паразитизма и загнивания английского капитализма в связи с высокой степенью милитаризации экономики и большим ростом государственно-монополистической бюрократической надстройки — все эти факторы обусловили падение роли Англии внутри капиталистического мира после второй мировой войны.

Не способствовала повышению международного престижа страны и политика ее правительства в первые послевоенные годы. Лейбористское правительство Эттли — Бевина не выполнило своих предвыборных обязательств ни во внутренней, ни во внешней политике. Такова уж английская политическая традиция, и лейбористы не являются исключением. Они сразу же начали отходить от согласованной политики союзных держав, сформулированной в годы войны, и в сотрудничестве с американскими правящими кругами стали открыто проводить агрессивную, империалистическую внешнюю политику.

В нарушение англо-советского договора 1942 г. лейбористское правительство сразу же после войны фактически ликвидировало союзные отношения с СССР и вместе с США начало «холодную войну» против Советского Союза и других социалистических стран. Правящие круги Англии сохранили созданный в годы войны англо-американский блок и в союзе с США саботировали дело разоружения и запрещения атомного оружия.

Английских политиков преследовал с самого начала кошмар появления эквивалентного оружия в распоряжении Советского

Союза, что означало бы крах всех основных внешнеполитических замыслов правящих кругов Англии. «Чувство беспомощности возникало из-за невозможности помешать враждебной державе изготовить это оружие», — замечает А. Грум.

Лейбористское правительство поначалу заняло, на первый взгляд, рациональную позицию. Во-первых, оно несколько раз заговаривало о том, не следует ли обсудить атомную проблему в рамках Большой тройки — СССР, Англия и США — и попытаться достигнуть соглашения. Во-вторых, в ходе таких переговоров следовало поднажать на Советский Союз и под угрозой атомной бомбы добиться от него далеко идущих уступок. Если первый мотив может восприниматься как реалистический, то второй — ликвидирует начисто этот «реализм».

Осенью 1945 г. перед поездкой в Вашингтон Эттли понимал, что сообщество государств не согласится, чтобы секрет бомбы постоянно находился в руках Англии и США, и полагал, что следует обсудить проблему с Советским Союзом. Министр иностранных дел Э. Бевин настаивал на том, что «этот вопрос не должен быть поднят перед Трумэнном и Сталиным в отрыве от многих других вопросов, являющихся предметом обсуждения между тремя державами». Итак, Бевин предлагал сразу же взять быка за рога и начать атомный шантаж Советского Союза. Это было предложено за полгода до выступления Черчилля в Фултоне.

Приглашением Советского Союза к переговорам Эттли хотел, как он утверждал, «продемонстрировать акт доверия». Проект письма Трумэну по этому вопросу Эттли показал Черчиллю. Старый лидер консерваторов пришел в бешенство и энергично отчитал лейбористского премьер-министра. «Неужели вы хотите, чтобы американцы продемонстрировали процесс производства бомбы перед Объединенными Нациями?» — в гневе вопрошал Черчилль. «Вы хотите, чтобы они рассказали русским, как делается бомба?» Черчилль заявил, что он решительно против этой идеи и выступит публично, когда этот вопрос станет известен общественности. Черчилль утверждал, что «ответственность за провозглашение мировой политики безусловно лежит на Соединенных Штатах» и что «они и мы должны попытаться обеспечить какую-то форму безопасности на основании торжественного соглашения, поддержанного силой, то есть силой атомной бомбы... Мы не должны на этом этапе заводить разговор об акте доверия». Интересно, что уже в наше время один из ан-

глийских исследователей заметил, что эта «позиция Черчилля вольно или невольно вела к послевоенной гонке вооружений и «холодной войне».

Эттли не был так наивен и миролюбив, как думал готовый часто идти напролом Черчилль. У него было желание раньше времени не выявлять враждебное отношение к СССР и при манкой участия в переговорах успокоить опасения СССР по части атомной бомбы, чтобы Советский Союз не форсировал ее разработку. Именно об этом говорит бесспорное нежелание лейбористского правительства делиться ядерной информацией с СССР. Наконец, участие СССР в переговорах позволило бы Англии, сталкивая его с США, извлекать для себя определенную дипломатическую выгоду. Между прочим, этой тактике Эттли учился у Черчилля.

В конце концов, верх одержала точка зрения Черчилля — Бевина и совещание в Вашингтоне состоялось без Советского Союза. Кое-кто в составе английского правительства и некоторые английские дипломаты считали нежелательным такое демонстрацию враждебности к Советскому Союзу, тем более, что напряженность в отношениях между двумя странами возрастала и в других сферах.

Вопрос о привлечении или исключении СССР решил сам собой, когда 1 августа 1946 г. вступил в силу принятый американским конгрессом акт Макмагона, запрещающий американской администрации сотрудничество с другими странами в ядерной области. Тем самым и Англия оказалась исключенной из такого сотрудничества. Это было сильным морально-политическим ударом по английскому самолюбию. В Лондоне сетовали, что американцы таким образом отблагодарили за английскую помощь в создании атомной бомбы. Теперь английское правительство после акта Макмагона уже не могло сомневаться, что США намерены были сохранить монополию на ядерное оружие в своих руках и не допускать к нему никого, включая и Англию.

В апреле 1949 г. оно подписало вместе с рядом других государств агрессивный Североатлантический пакт, отказалось от согласованной тремя державами в Потсдаме политики в отношении Германии, встало на путь ее расчленения и возрождения в Западной Германии милитаризма и реваншизма.

Втянув Англию в НАТО, лейбористы возложили на английский народ тяжкое бремя вооружений. После победы народной

революции в Китае лейбористское правительство в надежде на получение экономических и политических выгод юридически признало Китайскую Народную Республику в январе 1950 г. Пребывание у власти правительства Эттли — Бевипа ознаменовалось такими действиями, как участие вместе с США в агрессивной войне в Корее в 1950 г., подписание в 1951 г. мирного договора с Японией, превращавшего ее в базу американской агрессии на Дальнем Востоке, и поддержка ряда других, акций американского империализма.

На протяжении шести лет правления лейбористов английский народ все больше и больше убеждался, что все их разговоры о социализме, о «государстве всеобщего благоденствия» были фальшью, что их внутренняя и внешняя политика проводилась в интересах монополистического капитала.

Такова была общая обстановка в Англии, когда Черчилль возглавлял в парламенте консервативную оппозицию его величества. Он не слишком интересовался парламентскими делами в послевоенные годы, не часто появлялся в палате общин, довольно редко и в общем неудачно выступал. Его выступления четко разделяются по тону и направленности на две части. В речах по вопросам внешней политики он поддерживал и одобрял линию правительства. По всем же вопросам внутренней и экономической политики выступал в роли упорного критика, хотя, вернувшись в 1951 г. к власти, консерваторы оставили нетронутыми меры, которые были проведены лейбористским правительством Эттли при ожесточенном сопротивлении со стороны Черчилля.

Обвинения, которые бросал Черчилль в адрес лейбористского правительства, шли по двум линиям. Он утверждал, что все проводимые лейбористами мероприятия вызваны не необходимостью, а их приверженностью к определенным социалистическим доктринам. Одновременно он предрекал неминуемый крах английской экономики, который последует как непосредственный результат действий лейбористского правительства.

Выступая против национализации промышленности и государственного контроля над некоторыми сторонами экономической жизни страны, против социальных реформ, Черчилль словно забыл, что он сам в начале XX в., будучи либеральным министром, пропагандировал примерно те же идеи. В нашу мевшей тогда речи, произнесенной в 1906 г. в Глазго, Черчилль

предлагал, чтобы государство стало одним из нанимателей, и доказывал целесообразность национализации железных дорог. Один из биографов Черчилля в 1961 г. писал: «Мы должны помнить, что это говорилось 50 лет тому назад. Сегодня это выглядело бы как произнесение очевидных истин... Передача в распоряжение государства железных дорог и других общественных служб была осуществлена лишь в 1947 г., и это было сделано лейбористским правительством, которое осталось непоколебимым, несмотря на упреки Черчилля, что оно следует по пути, диктуемому социальными предрассудками и доктринарской теорией... Все это было не так, и Черчилль это прекрасно знал. В 1945 г. он называл это социализмом. В 1906 г. Черчилль сделал все, что мог, чтобы доказать, что эти меры не являются социалистическими. Но если это не социализм, то, что же это такое? Это был чистой воды радикализм ллойджорджевского типа».

Тот же автор замечает, что в действительности «не трудно установить поразительные параллели между высказываниями Черчилля, относящимися к 1906 г., и заявлениями Эттли, сделанными в 1945 г.». И это на самом деле так.

Когда лейбористское правительство проводило через палату общин закон о некотором дальнейшем ограничении прав палаты лордов, Черчилль атаковал правительственный законопроект. Лейбористские лидеры прекрасно помнили, что говорил Черчилль по этому вопросу перед первой мировой войной. Они зачитали в парламенте выдержки из многих его выступлений того периода, когда либеральное правительство проводило свой законопроект о палате лордов. Это был сильный аргумент. Консерваторы сидели с насупившимися лицами, а на лейбористских скамьях раздавался смех.

Часто речи Черчилля звучали не так, как хотелось его коллегам-консерваторам. Он их произносил, не спрашивая ничьего совета и не консультируясь со своим «теневым кабинетом». Не соответствующие духу времени, не учитывающие соотношения сил в парламенте и, что особенно важно, настроений рядового англичанина, эти выступления все больше и больше вызывали раздражение среди видных деятелей консервативной партии. Соратники престарелого лидера консерваторов, как и многие другие, понимали, что лейбористское правительство в сложившихся тогда условиях лишено было возможности пой-

ти на отмену введенного в военное время контроля государства над экономической жизнью страны, что оно не могло не провести национализацию ряда отраслей экономики, что оно, наконец, не могло не осуществить такую уступку рабочему классу страны, как введение новой системы социального страхования.

Черчилль не уделял достаточного внимания своим обязанностям лидера оппозиции, не старался как-то сплотить консерваторов в палате общин в монолитную группу, действующую согласованно под единым руководством. По свидетельству Морана, «он раздражался, когда слышал, что консерваторы должны выработать определенную политику. Обязанность лидера оппозиции, говорил он, состоит в том, чтобы нападать на правительство; только в этом и ни в чем другом». Моран замечает на этот счет: «Уинстон стареет. Его дело уже сделано, он живет в прошлом».

Ряд консервативных деятелей среднего поколения, и прежде всего Р. А. Батлер, в это время принимали энергичные меры по перестройке консервативной партии, с тем, чтобы она пришла к следующим парламентским выборам полностью мобилизованной и во всеоружии. Провалившись на попытке завоевать большинство в палате общин, опираясь лишь на популярность Черчилля, консервативные лидеры сделали вывод, что избирателю нужно дать конструктивную программу, которая привлекала бы его внимание настолько, чтобы он отдал свои голоса консерваторам. Для этого была разработана серия программных документов, среди которых наибольшее значение придавалось промышленной хартии консерваторов.

Вся эта работа шла помимо Черчилля. Он не только не участвовал в ней, не интересовался ею, но и относился к ней с пренебрежением. «Ходил слух, — пишет Вирджиния Коулс, — что Черчилль даже не взял на себя труд прочесть консервативную промышленную хартию, которую Р. А. Батлер разработал с таким трудом». «Консерваторы, — продолжает она, — шептались, что, вероятно, дела пошли бы лучше, если бы Уинстон ушел в отставку, а Идеи занял его место».

В это время в печати консервативного направления появляются статьи, озаглавленные весьма многозначительно: «Не является ли Черчилль обузой для консерваторов».

Действительно, его упрямство, неспособность применяться к новой обстановке объективно причиняли вред консерваторам.

И в то же время консервативная партия не могла обойтись без Черчилля. У консерваторов не было других крупных лидеров, которые пользовались бы большой популярностью в стране и, возглавив партию, могли бы привлечь к ней внимание избирателей. Военная слава Черчилля была картой, на которую консерваторы ставили в борьбе за симпатии рядового англичанина.

Эту ситуацию убедительно вскрыл Эньюрин Бивен в своем выступлении в палате общин в 1949 г. Он показал, каковы истинная роль и место Черчилля в консервативной партии. «Он думает, — сказал Бивен, — что он является лидером консервативной партии. Оп им не является. Он представляет собой приманку в руках консерваторов. В настоящее время внутри консервативной партии имеет место легкое беспокойство в связи с вопросом о том, является ли достопочтенный джентльмен обузой для партии или ее активом. Это весьма значительное беспокойство...» Ссылаясь на прежние выступления Черчилля, Бивен показал, что он сам считал консерваторов ответственными за провал политики английского правительства, проводившейся накануне второй мировой войны. «И этих людей, — заявил Бивен, — Черчилль хотел бы вновь привести к власти... Неужели он думает, что народ будет благодарен ему?»

Во многом Бивен был прав. Действительно, Черчилль не импонировал консерваторам, но служил выгодной приманкой в их руках, которой они широко пользовались. В самом деле, борясь за свержение лейбористского правительства и за возврат к власти консерваторов, Черчилль пытался навязать английскому народу группу обанкротившихся реакционных политиков, дискредитировавших себя и консервативную партию еще в 30-е годы. Но что иное мог он предложить? Ведь именно эта группа управляла партией и сохраняла Черчилля на посту ее лидера.

В 1945–1951 гг. Черчилль пишет многочисленные статьи, совершает поездки за границу, произносит речи, присутствует в качестве почетного гостя на многих митингах и собраниях. Такая активная деятельность свидетельствовала, что у него все еще были значительные запасы сил и энергии.

Но этим не исчерпывались занятия Черчилля. Он вновь много времени уделяет живописи и выставляет свои картины в Королевской академии. У него появилась страсть к сельскому хозяйству. Черчилль прикупил 500 акров земли вблизи

Чартвелла и устроил животноводческую ферму. Несмотря на преклонный возраст, он пылко увлекся скачками, завел скаковых лошадей, которые хотя и не занимали первых мест, но выступали довольно успешно.

Главным среди всех его занятий было написание шеститомной истории второй мировой войны. К созданию этого труда Черчилль готовился, еще будучи премьер-министром. Опыт с книгой «Мировой кризис» был учтен им полностью. Став членом правительства Чемберлена, а затем премьер-министром, Черчилль собирал копии всех наиболее важных документов, которые попадали ему в руки. Он любил излагать свои мысли письменно и готовил по многим вопросам бесконечные памятные записки, меморандумы, распоряжения. Свою переписку с Рузвельтом и Сталиным Черчилль вел не в виде официальных документов, исходящих от правительств, а путем так называемых частных писем, копии которых также тщательно собирались. Все эти и многие другие дополнительные материалы были сконцентрированы в Чартвелле и явились основой задуманного труда.

По существующему в Англии правилу официальные государственные документы, остающиеся у министров и генералов после отставки, автоматически превращаются в их частную собственность. Черчилль в полной мере воспользовался этим правом.

Работа над историей второй мировой войны была предприятием, поставленным на широкую ногу. Как пишет Вирджиния Коулс, Черчилль придерживался мнения, что глупо погружаться самому в ту работу, которую могут выполнять для него другие. Поэтому он собрал вокруг себя военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, ученых, историков, литераторов и создал из них обширный аппарат, в задачу которого входила проверка фактов, отбор материала, подготовка записок по отдельным вопросам, в которых сам он был слабо осведомлен. Кроме того, при Черчилле работала группа способных и знающих секретарей в две смены по 8 часов.

Один из видных английских журналистов — Малкольм Маггеридж замечает, что Черчилль «развил в себе способность организовывать крупные труды. Его «Мальборо», «Мировой кризис» и в еще большей степени «Вторая мировая война» по существу должны рассматриваться скорее как коллективные труды, чем как продукт усилий индивидуального автора».

Правда, Маггеридж здесь же отмечает, что подача материала в этих и других аналогичных трудах неизменно черчиллевская, равно как и оценки, выводы и концепции.

Многие люди были заинтересованы в том, чтобы быть отмеченными в задуманном Черчиллем труде, причем отмеченными достаточно полно и в положительном смысле. Поэтому кроме мощного аппарата, работавшего постоянно на Черчилля, он мог широко пользоваться услугами крупных деятелей и специалистов со стороны. Бывшие военные, политические деятели и бизнесмены охотно откликались на просьбы Черчилля изложить на бумаге, и поподробнее, тот или иной эпизод или событие, к которому они были причастны в годы войны.

Черчилль по традиции не писал, а диктовал свои воспоминания о второй мировой войне. Работая по существу по две смены в день, он успевал продиктовать примерно 8 или 9 тыс. слов, т. е. около полутора авторских листов.

Одновременно шла широкая реклама будущего издания. Гонорар за историю второй мировой войны превзошел все, что Черчилль получал ранее. Крупнейшие журналы Америки и Англии соревновались, чтобы получить право первыми опубликовать труд Черчилля по главам в виде отдельных серий с продолжением. Американский журнал «Лайф» купил это право за сумму, которая, как утверждают, составила около 2 млн долл. Если к этому прибавить гонорары, полученные Черчиллем за публикацию истории войны в других органах печати, а также за выход ее в ряде стран в шести томах отдельными изданиями, то можно себе представить, какую огромную сумму дало ему это литературное предприятие. Газета «Санди тайме» писала в 1965 г.: «Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль». Когда один из издателей обратился к Черчиллю с вопросом, не согласится ли он передать ему для издания книгу, которую пишет, Черчилль заявил: «Я не пишу книгу, я делаю состояние». И он сказал правду.

Охват событий в новом труде Черчилля огромен. Он в деталях прослеживает мировую историю за четверть века. События развиваются, естественно, прежде всего в Европе, но автор пишет и об Америке, Азии, Африке, Австралии.

Для Черчилля история всегда была повестью о подвигах добрых и злых героев, действующих на фоне безликой, инерт-

ной человеческой массы. И историю второй мировой войны он писал под этим углом зрения. Разумеется, в центре событий фигура самого Черчилля. Создается впечатление, что именно он был главной силой происходящих событий, средоточием мировой истории. Все хорошее и разумное, что было сделано в годы войны, сделано прежде всего благодаря ему. Все плохое объясняется или злым гением Гитлера и ему подобных, или же некомпетентностью и глупостью государственных деятелей Англии, Франции, США и других стран.

Диапазон «Второй мировой войны» намного шире диапазона «Мирового кризиса». Если в «Мировом кризисе» Черчилль рисовал свою борьбу с английскими деятелями, и прежде всего с Асквитом, то во «Второй мировой войне» он действует уже на мировой арене, в глобальном масштабе.

Теперь он уже борется с Гитлером, сотрудничает с Рузвельтом, выступает против Муссолини, разоблачает японских деятелей, взаимодействует с 1941 г. с И. В. Сталиным, а затем с 1943 г. борется с ним в рамках этого взаимодействия.

Черчилль часто упоминает тех или иных деятелей, с которыми он поддерживал контакты. Некоторых близких к нему лиц он рисует в положительном плане и называет своими друзьями. Но читатель, следуя за автором, неизбежно убеждается, какая огромная разница между ним и этими людьми. Все они предстают лилипутами в сравнении с Гулливером — Уинстоном Черчиллем.

Вторым действующим лицом во «Второй мировой войне» Черчилля является Англия. Автор не жалеет красок своей богатой литературной палитры, чтобы утвердить и прославить величие Англии. Для него Англия и англичане — явление исключительное, они стоят выше всех государств и народов. «Защита славы, чести и миссии британской расы, — пишет лорд Чандос, — является важнейшей частью трудов Черчилля».

Если сравнить последний том «Мирового кризиса» и первый том «Второй мировой войны», нельзя не поразиться различию тона и подхода к трактовке некоторых событий. В последнем томе «Мирового кризиса» Советская Россия изображается Черчиллем как главный враг Англии и всего человечества. Чтобы справиться с этим врагом, Черчилль выдвигает идею союза с Германией и возрождения ее мощи. В первом томе «Второй мировой войны» Черчилль утверждает, что в лице Германии

сконцентрировались силы зла и что с ее стороны возникла угроза Англии и всему миру. Отвести эту угрозу можно было лишь в союзе с СССР. Таким образом, трактовка проблемы совершенно обратная.

«Тема данного тома, — пишет Черчилль в первом томе “Второй мировой войны”, — как народы, говорящие на английском языке, из-за своего неблагоразумия, легкомыслия и добродушия позволили вновь вооружиться силам зла». Вероятно, он предполагал, что читатель забыл описанную в «Мировом кризисе» его собственную беседу с Ллойд Джорджем вечером 11 ноября 1918 г., в которой шла речь о необходимости возродить Германию для борьбы против Советской России. Именно эта линия в английской внешней политике привела к тому, что «силы зла» вновь вооружились.

Черчилль не мог замолчать решающий вклад, внесенный Советским Союзом в дело разгрома фашизма. Правда, он дает волю своим антисоветским чувствам в шестом, заключительном томе, где пытается доказать, что английское правительство вело честную, добросовестную, направленную на сохранение великого союза политику, но что этот союз был взорван благодаря действиям Советского правительства.

Военные мемуары Черчилль писал в те годы, когда он совершил открытое возвращение к своей старой, враждебной Советскому Союзу и делу социализма политике. Поэтому естественно, что его книга — это своеобразное объяснение причин существования союза между Англией и СССР в годы войны, а также идеологическая подготовка к переходу на ту оголтелую антисоветскую линию, которую премьер-министр в отставке занял в послевоенный период.

Черчилль был последовательным сторонником тесных взаимоотношений между Англией и Соединенными Штатами Америки. Эту идею он пропагандирует на протяжении всех шести томов. Однако американцы в изображении Черчилля — это и недобрые по отношению к Англии и немудрые люди, зачастую обнаруживавшие в ходе войны неспособность правильно оценить мировую обстановку. Черчилль много пишет о том, как правительство США посягало в годы войны на интересы Англии в международно-экономической и колониальной сферах и как он давал энергичный отпор подобным посягательствам со стороны США.

При оценке итогов второй мировой войны Черчилль искажает развитие событий и сложившуюся объективно обстановку. Он считает, что война закончилась трагедией для Англии и мирового капитализма из-за злой воли Советского правительства. Узнав из книги Черчилля, что весной 1945 г. он стремился силой англо-американского оружия отбросить Советский Союз из Восточной Европы и задавить поднимающуюся там социалистическую революцию, читатель неизбежно приходит к выводу, что в это время он готов был, не дождавшись окончания второй мировой войны, развязать третью мировую войну.

В своем новом труде, как и в предыдущих, Черчилль широко привлекает лишь те факты, которые свидетельствуют в его пользу и содействуют возвеличению Англии и его собственной персоны. Все остальные факты, не укладывающиеся в рамки его концепции, он игнорирует и отбрасывает. В ряде важных случаев Черчилль идет и на прямое извращение фактов. Проблема второго фронта освещается им с грубейшим нарушением фактической стороны дела. Аналогичным образом ведет рассказ Черчилль о том, как посылались из Англии в северные порты СССР корабли с вооружением. Как говорил Эньюрин Бивен в 1949 г. в палате общин, Черчилль «подправляет историю, и если натывается на неприемлемый для него факт, то такой факт летит за борт».

Лорд Чандос рассказывает об одном случае, показательным для понимания того, как Черчилль относился к фактам при написании «Второй мировой войны». В годы войны Чандос, тогда еще Оливер Литтлтон, был государственным министром Англии на Ближнем Востоке. Однажды Черчилль дал ему указание обеспечить срочную разгрузку танков с судна, доставившего их из Англии. Указание было выполнено, но Черчилль остался недоволен и прислал Литтлтону телеграмму с выговором за то, что его указание выполнили недостаточно точно. Обвинение было необоснованным, и Оливер Литтлтон ответил Черчиллю, что его последняя телеграмма «в высшей степени несправедлива и должна быть немедленно взята обратно». Разумеется, премьер-министр и не подумал этого сделать. Важно, однако, другое. Через два года после войны генерал Паунэл, помогавший Черчиллю разбирать его военный архив и подбиравший для него документы для «Второй мировой войны», позвонил Литтлтону и просил разрешения на опубликование этой теле-

граммы. Литтлтоп ответил: «Разумеется, можете публиковать, но при условии, что Черчилль опубликует также и мой ответ». Легко догадаться, что ни первая, ни вторая телеграммы так и не увидели свет.

Черчилль — достаточно серьезный и солидный автор, чтобы не допускать искажений в документах. Однако использование документов в книге носит сугубо тенденциозный характер: автор умалчивает о ряде важных материалов, публикует документы в выдержках, цитирует лишь импонирующие ему места, вырванные из контекста. «Я полагаю, — пишет лорд Чандос, — что Черчилль явится самым документированным премьер-министром, который когда-либо занимал этот пост. Будет удивительно, если через несколько лет историк, изучая его документы, не придет к выводу, что они отражают в высшей степени субъективный взгляд на положение дел. Постепенно время и ученые произведут сбалансирование».

Шесть томов Черчилля о второй мировой войне — это, конечно, не историческое исследование. Но они содержат богатейший материал, без которого не может обойтись ни один историк-исследователь, обращающийся к проблемам второй мировой войны. Ценность их в том, что они содержат не столько авторский текст, сколько обширные выдержки из огромного количества официальных документов, находившихся в распоряжении Черчилля. В частности, в этих томах впервые была опубликована значительная часть, переписки английского премьер-министра с Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным и президентом США Рузвельтом. Текст самого Черчилля — это в основном связки между многочисленными документами и комментарии к ним. Большое количество документов дано в приложении к каждому тому. Малкольм Маггеридж пишет: ««Мировой кризис» и «Вторая мировая война»... представляют собой скорее фотографии, чем живопись, это скорее образцы ораторского искусства, чем литературы, это журналистика в лучшем смысле этого слова, но не история».

Черчилль давно выработал свой собственный монументальный стиль изложения исторических событий. Многие страницы его труда отмечены несомненным художественным талантом автора, и все шесть томов пользуются широкой известностью в Англии. Черчилль получил Нобелевскую премию за свои литературные произведения, и прежде всего за историю второй

мировой войны. Разумеется, при этом сыграла свою роль и политическая направленность книги.

Зимой 1945/46 г. Черчилль провел несколько месяцев в Соединенных Штатах. Здесь он встречался с президентом Трумэном, руководителями государственного департамента и другими деятелями. Во время этих встреч возникла идея выступления Черчилля по проблемам мировой политики и была определена его общая линия. 10 февраля основные положения были согласованы с президентом Трумэном. Несколько недель Черчилль провел на курорте во Флориде, где шлифовал и отработывал свою речь. Когда все было готово, он вместе с Трумэном отправился в г. Фултон, в штате Миссури, где и произнес в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. «знаменитую» речь, положившую начало «холодной войне».

Как известно, эта речь была произнесена с ведома и согласия Эттли и Бевина, а также президента Трумэна и государственного секретаря Бирнса. Трумэн даже совершил тысячемильное путешествие, чтобы представить оратора аудитории. По словам Г. Пеллинга, Черчилль сообщил Эттли, что Трумэн «казался очень довольным» его речью. Все эти факты свидетельствуют, что Черчилль в своем выступлении не только высказал личные взгляды, но и провозгласил антисоветскую программу правящих кругов обеих стран — Англии и Соединенных Штатов Америки. Присутствие Трумэна в Фултоне подчеркнуло значение, которое в Америке придавали этому выступлению. К тому же США должны были в силу своего положения в капиталистическом мире сыграть ведущую роль в реализации предложенного Черчиллем плана.

Заявив, что миру угрожает прямая и непосредственная опасность новой мировой войны и тирании и что причиной этой угрозы является Советский Союз и международное коммунистическое движение, оратор предложил создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке. Это означает особые отношения между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой... Братская ассоциация требует не только растущей дружбы и взаимопонимания между нашими двумя обширными, но родственными системами общества, но и сохранения близких отношений между нашими военными советниками, проведения совместного изучения возможных опасностей, стандартизации

оружия и учебных пособий, а также обмена офицерами и слушателями в технических колледжах. Это должно сопровождаться сохранением нынешних условий, созданных в интересах взаимной безопасности, путем совместного использования всех военно-морских и авиационных баз, принадлежащих обеим странам во всем мире. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это значительно увеличило бы мощь британских имперских вооруженных сил и вполне могло бы привести... к значительной финансовой экономии... Впоследствии может возникнуть принцип общего гражданства, и я уверен, что он возникнет».

Против кого должен был быть направлен англо-американский военный союз? Черчилль совершенно четко и определенно объяснил — против Советского Союза и развивающейся социалистической революции. Он употребил в своей речи ставший впоследствии очень популярным у антисоветских пропагандистов термин «железный занавес»³, который, по его словам, опустился на континент Европы и разделил ее по линии от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике.

Черчилль предложил применить силу против СССР, и притом срочно, пока США имеют атомную бомбу, а Советский Союз еще не изготовил это оружие. Его уже не удовлетворял традиционный английский принцип баланса сил, когда Англия, используя одну страну против другой, проводила свою политику на Европейском континенте. «Наша старая доктрина равновесия сил является несостоятельной, — говорил Черчилль. — Мы не можем позволить себе полагаться на незначительный перевес в силах». Теперь он сформулировал новую политику империалистов, ставшую впоследствии известной как политика «с позиции силы». «Судя по моим встречам с русскими, — сказал Черчилль, — я уверен, что они больше всего восхищаются силой». Он предложил немедленно, в 1946 г., «достигнуть полного взаимопонимания с Россией по всем вопросам». Это означало, что если Советский Союз не капитулирует перед угрозой применения силы, то против него необходимо будет развязать превентивную войну.

«Взаимопонимание с Россией» должно было «поддерживаться всей силой стран, говорящих на английском языке, и всеми их связями». Таким образом, высказывалась идея установления англо-американского мирового господства. Эта идея не была

новой. Как известно, Черчилль лелеял ее на протяжении всей Второй мировой войны. «Если население Содружества наций, говорящих на английском языке, — говорил Черчилль, — добавить к США и учесть, что будет означать подобное сотрудничество на море, в воздухе, во всем мире, в области науки и промышленности, то не будет существовать никакого шаткого и опасного соотношения сил... Мы будем продвигаться вперед, располагая строгой и трезвой силой... Если все британские моральные силы и убеждения сольются с вашими в братской ассоциации, то широкий путь в будущее откроется не только для нас, но и для всех, не только в наше время, но и на целое столетие».

Смысл речи Черчилля в Фултоне сводился к следующему: Советский Союз является главной угрозой безопасности и свободе всех остальных народов, поэтому человечество должно объединиться под англо-американским руководством и силой ликвидировать эту угрозу. Таким образом, Черчилль пытался поднять весь мир против советского народа. Все это говорилось, когда и года не прошло после того, как советский народ ценой гигантских жертв и страданий обеспечил разгром фашизма и принес свободу поработенным народам. Это говорилось после того, как благодаря огромным жертвам, принесенным народами СССР на алтарь победы, Англия спаслась от угрожающего ей неминуемого разгрома. Это говорилось в дни, когда, как предполагали англо-американские военные специалисты, Англия и США вели бы еще войну на Дальнем Востоке против Японии, если бы Советский Союз не вступил в эту войну на стороне союзников и тем самым не обеспечил ее быстрое, так сказать, досрочное окончание.

Неудивительно, что речь Черчилля в Фултоне была воспринята в СССР с глубоким возмущением. Советские люди увидели, что он стал вдохновителем нового военного похода против СССР, поджигателем мировой войны, глашатаем установления господства над миром одной расы и подчинения ей всех других народов.

В интервью корреспонденту «Правды» И. В. Сталин заявил, что «по сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». Далее в интервью было отмечено, что своим

выступлением в Фултоне Черчилль поразительно напоминает Гитлера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война... несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Выражение Черчилля «железный занавес» в дальнейшем миллионы раз в различных вариантах использовалось недругами СССР и других социалистических стран. «Во всем мире считают, — пишет Палм Датт, — что этот термин был изобретен гением сэра Уинстона Черчилля, впервые употребившего его в своей печально известной фултонской речи. А в действительности он был впервые приведен в том смысле, какой придается ему теперь западными политиками... еще Геббельсом в передовой статье, напечатанной в газете «Дас рейх» 25 февраля 1945 г... В капиталистических странах определение «железный занавес» вошло в обиход. О нацистском его происхождении упоминаний, конечно, не делается. Если бы за каждое употребление этих слов западные публицисты и политики платили бы гонорар их подлинному автору, тень Геббельса была бы теперь самой богатой тенью в аду».

Речь Черчилля вызвала тревогу и в буржуазном мире. Очень многие поняли, что это призыв к развязыванию новой мировой войны. В английском парламенте более 100 лейбористов предложили резолюцию, осуждающую выступление Черчилля. Однако правительство Эттли уклонилось от того, чтобы официально отмежеваться от идей, которые бывший премьер проповедовал в Фултоне. Оно заявило, что это частное мнение частного лица. На самом же деле вся последующая внешняя политика лейбористов осуществлялась в соответствии с линией, намеченной в Фултоне.

Английская компартия выступала с осуждением империалистической программы, сформулированной Черчиллем

в Фултоне. Коммунистическая печать не только разоблачала антисоветскую направленность фултонской речи, ее безграничную враждебность делу социализма и прогресса, но и показала, что программа Черчилля является по существу программой подготовки и развязывания новой мировой войны.

В марте 1947 г. американское правительство провозгласило «доктрину Трумэна»⁴, и тем самым внешнеполитический план, изложенный Черчиллем, был принят в качестве государственной политики. Усилиями правительств Англии и США сколачивались агрессивные военно-политические блоки, направленные против СССР и социалистического и национально-освободительного движений. Это была фултонская программа в действии.

Империалистические политики и идеологи приложили немало усилий, чтобы убедить народы в том, будто Англия и США развязали «холодную войну» против СССР в ответ на ряд действий с его стороны. В их числе называются обычно отказ социалистических стран от участия в «плане Маршалла», создание Информбюро коммунистических и рабочих партий и победа демократических сил в Чехословакии в 1948 г. Эта концепция не соответствует истине и опровергается общеизвестными фактами.

Сейчас никто на Западе не спорит против того, что Западный союз и НАТО явились реализацией фултонской речи Черчилля и «доктрины Трумэна». Поскольку речь была произнесена в марте 1946 г., а доктрина провозглашена в марте 1947 г., то, следовательно, правящие круги Англии и США подняли знамя «холодной войны» до того, как Советский Союз и страны народной демократии летом 1947 г. отвергли «план Маршалла»⁵, до того, как в сентябре 1947 г. было создано Информбюро коммунистических и рабочих партий⁶, и до того, как в феврале 1948 г. в Чехословакии произошли события⁷, окончательно направившие эту страну по пути демократического развития.

Вскоре Черчилль развернул новую шумную пропагандистскую кампанию. Осенью 1946 г. он отдыхал в Швейцарии на берегу Женевского озера и под сенью Монблана готовил речь, с которой выступил 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете⁸.

На этот раз он предложил создать так называемую объединенную Европу с целью противопоставить ее Советскому Союзу и ликвидировать объединенными усилиями европейской реакции демократические и социалистические завоевания народов

стран Восточной Европы. «Почему, — вопрошал оратор, — не должна существовать европейская группа, которая дала бы чувство повышенного патриотизма и общего гражданства обезумевшим народам этого бурлящего и мощного континента?» Главной силой в объединенной Европе, по мысли Черчилля, должна стать Германия. Поскольку в памяти народов еще свежи были ужасы того времени, когда нацисты пытались создать объединенную Европу под руководством Германии, Черчилль призвал народы во имя будущего забыть о преступлениях нацизма. «Все мы, — сказал он, — должны повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы должны обратить свой взор в будущее... Европейская семья должна совершить акт веры и предать забвению все преступления и ужасы прошлого».

Следует отметить, что объединенная Европа в планах Черчилля — это не только антисоветский бастион, но и опора для Англии в ее отношениях с Соединенными Штатами. Опираясь на мощь Британской империи и на поддержку объединенной Европы, Англия могла бы на равных с США основаниях выступать на мировой арене. Интересно, что, выступая в 1948 г., Черчилль проговорился о том, какую роль он отводит объединенной Европе в планах восстановления былых позиций английского империализма. Он развивал тогда концепцию «трех великих сфер». Первая сфера, по Черчиллю, — это Британское содружество наций и империя со всем тем, что они включают. На второе место Черчилль поставил «страны, говорящие на английском языке, среди которых Англия, Канада и другие английские доминионы играют такую важную роль». На третье место была отнесена объединенная Европа. «Теперь, — заявил Черчилль, — если вы подумаете о трех связанных между собой сферах, вы убедитесь, что мы являемся единственной страной, которая играет великую роль в каждой из них. Фактически мы являемся главным центром связи, и здесь, на наших островах, являющихся узлом морских, а возможно, и воздушных путей, мы имеем возможность объединить все три сферы».

План Черчилля, рассчитанный на восстановление ведущей роли Англии в мировой политике, предусматривал, как это ни кажется странным, оттеснение США на второе место. Добиться этого Черчилль рассчитывал в результате американо-советского столкновения. Отсюда и его усилия побудить США занять более жесткую позицию в отношении Советского Союза.

Моран рассказывает, что 8 августа 1946 г. у него был разговор с Черчиллем. Черчилль в мрачных тонах говорил о будущем.

— Вы думаете, будет еще одна война? — спросил Моран.

— Да, — ответил Черчилль.

— Вы полагаете, что она будет в ближайшие 10 лет?

— Скорее, 7 или 8 лет. Меня тогда уже не будет.

Я спросил его, — пишет Моран, — будет ли эта война между Россией и ее союзниками и англосаксонскими странами.

— Да. И Франция, Скандинавия, Бельгия и Голландия будут на нашей стороне.

Я удивился, как маленькая Англия сможет принять участие в атомной войне. Черчилль сказал: «Мы не должны ждать, пока Россия подготовится. Я верю, что пройдет 8 лет, прежде чем она станет обладательницей бомбы».

Через два месяца, в октябре 1946 г., разговор на эту тему возобновился.

Моран: Вы думаете, через два или три года начнется война?

Черчилль: Вероятно, даже скорее; возможно, этой зимой.

В речи на конференции консервативной партии в Лландудно в октябре 1948 г. Черчилль предложил немедленно, не откладывая дела в долгий ящик, предъявить Советскому Союзу определенные ультимативные требования. «Правда» в редакционной статье, посвященной этой речи, писала: «Черчилль требует ни много ни мало — уничтожения народно-демократического строя в странах Восточной Европы; ухода советских оккупационных сил из Германии и Австрии; самоликвидации коммунистического движения во всех странах, а заодно народно-освободительного движения в колониях и полуколониях; наконец, предоставления международным монополиям доступа к эксплуатации “обширных просторов” СССР, то есть, в конечном, счёте восстановления в Советской стране капиталистических порядков и ее отказа от своей независимости». Черчилль утверждал, что «урегулирование с Советской Россией» мирным путем немыслимо, и призывал капиталистические державы тут же, безотлагательно начать войну против СССР, «пока они располагают атомной энергией и до того, как русские коммунисты тоже ее добудут».

Это была широкая программа развязывания немедленной агрессивной войны против СССР и других государств социалистического лагеря. Как отмечала английская газета «Ньюс

кроникл», «готовность вести превентивную войну» является «логическим выводом» из всех рассуждений Черчилля.

Было бы неправильным утверждать, что Черчилль был одинок в планах насильственной ликвидации социализма на земном шаре, и прежде всего в СССР. Его взгляды разделяли влиятельные круги Англии и Соединенных Штатов Америки. Черчилль был лишь мощным рупором этих кругов. В докладе, подготовленном в английском Институте международных отношений в 1950 г., например, утверждалось, что «основные цели политики западных стран не будут достигнуты до тех пор, пока территории Европы от Ла-Манша до советской границы 1938 г. не будут свободными партнерами в единой Европе». Это утверждение нужно понимать так, что империалистическим державам надлежало добиваться реставрации капитализма в странах народной демократии и отторжения от СССР ряда его территорий.

Внешняя политика лейбористского правительства на протяжении шести послевоенных лет являлась практически осуществлением намеченных Черчиллем планов. В 1947 г. Англия подписала с Францией союз, ставший первым шагом на пути создания более широких антисоветских блоков. В 1948 г. прежде всего благодаря усилиям английского правительства был основан Западноевропейский союз. Через год создается мощный военно-политический блок — организация Североатлантического пакта с участием Соединенных Штатов Америки. Английское правительство явилось одним из активнейших организаторов этого союза империалистических держав, поставившего своей целью сохранение капиталистического мира, борьбу против революционного движения как внутри стран — участниц союза, так и за их пределами, борьбу против национально-освободительного движения колоний и зависимых стран, и прежде всего борьбу против Советского Союза и других социалистических государств, возникших в Европе и Азии после второй мировой войны. Когда в 1950 г. Соединенные Штаты организовали войну против корейского народа, лейбористское правительство поставило вооруженные силы Англии и некоторых других стран Британской империи рядом с войсками американских интервентов, воевавшими в Корее. Как пишет Г. Пеллинг, Черчилль считал, что, если бы он был в этот момент у власти и решился на подобный шаг, это вызвало бы ожесточенную кри-

тику со стороны лейбористов. Завтракая вместе с ближайшими коллегами-консерваторами в Савой-отеле, он сказал: «Старик очень добр ко мне. Я бы не смог справиться с этой ситуацией, окажись я на месте Эттли. Меня бы назвали поджигателем войны». «Какой старик?» — спросил один из присутствовавших. «Господь бог», — ответил Черчилль.

Наиболее последовательным и упорным проводником идей Черчилля в английской внешней политике был министр иностранных дел Эрнст Бевин. Его называли «растолстевшим Антони Иденом». Черчилль ценил Бевина больше, чем кого-либо другого из лейбористских деятелей, сотрудничавших с ним в коалиционном правительстве военного времени. Эмрис Хьюз объясняет это тем, что «Черчилль рассматривал Бевина как “лейбористского Джона Буля”, который продолжал вести традиционную английскую внешнюю политику и которого постоянный штат Форин оффис прочно держал под своим контролем. Кроме того, Эрнст Бевин был настроен резко антикоммунистически...».

Черчилль неоднократно публично заявлял, что Бевин проводит фултонскую политику. 12 мая 1949 г. лидер консерваторов просил палату общин «не удивляться тому, что в целом он вполне согласен с речью министра иностранных дел... Он высказал свое мнение в свое время в Фултоне... То, что он предлагал тогда, в действительности было намного перевыполнено». С подобными заявлениями Черчилль выступал множество раз.

23 февраля 1950 г. в Англии состоялись очередные выборы в палату общин. Лейбористское правительство, втягивавшее страну в гонку вооружений и понимавшее, что ближайшее будущее даст значительное ухудшение жизненного уровня трудящихся, провело выборы несколько ранее срока истечения полномочий парламента. Программа лейбористов была намного скромнее той, с которой они шли на выборы 1945 г. О дальнейшей национализации важных отраслей английской промышленности речь уже не шла. Консерваторы, напротив, хорошо подготовились к выборам. Они реорганизовали аппарат партии и разработали ряд программных документов, которые должны были изобразить их в глазах избирателей поборниками интересов народа.

Сознавая стремление английского народа к миру и сотрудничеству с СССР, Черчилль выдвинул во время избирательной кампании «идею новых переговоров с Советской Россией на са-

мом высоком уровне». Тем самым он хотел убедить избирателей, будто его помыслы заняты налаживанием нормальных отношений между Англией и СССР, и одновременно напомнить, что в годы войны он небезуспешно сотрудничал с Советским правительством, используя метод переговоров на высоком уровне. За этим заявлением в действительности не скрывалось ничего, кроме желания привлечь избирателей и заставить их забыть о том, что Черчилль говорил некоторое время назад в Фултоне, в Цюрихе, в Лландудно и во многих других местах. Заранее готовя себе возможность пренебречь данным обещанием, Черчилль объявил, что многое будет зависеть от позиции Соединенных Штатов Америки. Даже его лейбористский друг Бевин заметил, что обещание Черчилля организовать встречу с представителями СССР и США на высоком уровне является предвыборным трюком. И это действительно было так.

В результате выборов лейбористы получили в новом парламенте 315 мандатов. Консерваторы с примыкающими к ним группами значительно улучшили свои позиции, завоевав 298 мест.

Правительство Эттли осталось у власти, опираясь на незначительное большинство в палате общин. Это обстоятельство делало позиции правительства непрочными, а новые выборы в парламент весьма вероятными в самом ближайшем будущем.

За годы, проведенные в отставке, состояние здоровья Черчилля, пошатнувшееся к концу войны, заметно поправилось. Как отмечает Г. Пеллинг, частично это следует отнести за счет жажды реванша, которая вселяла в него энергию и бодрость. Однако возраст брал свое — приходилось постепенно расставаться с любимыми с юности видами спорта. Зато теперь появились новые увлечения. В 1949 г. муж младшей дочери Черчилля Мэри Кристофер Соме подарил ему скаковую лошадь, и с тех пор Черчилль стал выставлять на скачки собственных лошадей. Он нанял для них специального тренера. Любимый серый жеребец Черчилля по кличке Колонист II тринадцать раз выигрывал скачки, заработав своему хозяину почти 12 тыс. фунтов. Черчилль обычно бывал на ипподроме в дни, когда Колонист II участвовал в состязаниях, и приходил в восторг, когда тот побеждал.

Черчилль по-прежнему любил заниматься живописью. Он был очень доволен, когда две его картины, выставленные под псевдонимом, отобрали для Королевской академии худо-

жеств. В 1948 г. экс-премьера набрали почетным членом Академии художеств.

Много времени проводил он в Чартвелле, предаваясь различного рода удовольствиям сельской жизни. Особенно Черчилль любил животных. В Чартвелле жили черные лебеди из Западной Австралии, диковинные рыбы плавали в пруду. Любимцем хозяина был маленький коричневый пудель Руфус или Руфи. Черчилль был страшно расстроен, когда собака погибла под колесами автобуса. Один из друзей подарил ему точно такого же пуделя, получившего имя Руфус П. «Во многих отношениях, — пишет Г. Леллинг, — жизнь Черчилля в период пребывания в оппозиции была королевским существованием... Но его главной целью в те годы было вернуть власть себе и своей партии, изменить приговор избирателей, вынесенный в 1945 г.».

